

Серия: Антитеррор.
Герои мирного времени

ИСТОРИЯ ПОДВИГА ОТКРЫТЫЙ ДНЕВНИК

**Документально-художественный сборник
для школьников среднего и старшего возраста**

Серия: Антитеррор. Герои мирного времени

**ИСТОРИЯ ПОДВИГА.
ОТКРЫТЫЙ ДНЕВНИК**

Автор-составитель А.Г. Леднев

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
БУДЕМ ЗНАКОМЫ.	4
ПОПОЛНЕНИЕ ИЗ ПИТЕРА	6
ВВЕДЕНИЕ В ТЕМУ.	7
НАВЕЧНО - ОФИЦЕРЫ БЕСЛАНА	11
НАВЕЧНО - ОФИЦЕРЫ БЕСЛАНА (2).	17
ДАГЕСТАНСКАЯ ИСТОРИЯ	23
ВЫБОР	29
НЕСДАВШИЕСЯ.	32

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первой книге «История Подвига. Открытый дневник», собраны рассказы о людях, которые живут или жили рядом с вами – в соседней квартире, на вашей улице, в вашем городе.

Да, они из взрослых, хотя многим из них не намного больше лет, чем вам. Впрочем, судьба распорядилась так, что кто-то навечно остался молодым. Пройдет какое-то время, и в своих остановившихся годах уже они станут для вас, ребята, сначала детьми, а затем и внуками.

Жизнь скоротечна, чего в прекрасные школьные годы не осознаешь. Через это непонимание в свое время проходит каждый, потому что она, твоя жизнь, вся еще впереди – прекрасная и большая. И как-то не задумываешься, что ведь кто-то должен помочь сохранить её именно такой: доброй и без боли утрат. Вот они ее охраняют и сохраняют – те люди, кто рядом с нами, незаметные в наших повседневных заботах, но чьи поступки мы даже в мирное время называем подвигом. И ценой подвигу, порой, становится их жизнь, отданная взамен наших, сохраненных ими жизней.

Вы когда-нибудь задумывались, а что конкретно есть подвиг?

В толковом словаре Ушакова «подвиг» (с ударением на первом слоге) значит как «доблестный героический поступок. Важное по своему значению действие, совершенное в трудных условиях». Но, согласитесь, что свершившие это «действие» меньше всего думали о том, что совершают подвиг. Создалась ситуация, в которой они не струсил, не спрятались за спины других, а выполнили свой человеческий и гражданский долг. Потому что в основе любого подвига лежат воспитание и ответственность, человеколюбие и верность присяге, личное мужество и патриотизм. И то самое действие-чувство, о котором писали многие из героев в своих воспоминаниях, заключенное в одну короткую, простую и предельно понятную фразу: если не я, то кто?

В этой книге мы расскажем о военном подвиге в мирное время. Испытывая одновременно не проходящую боль утраты и чувство гордости за наших современников, о которых язык не поворачивается сказать, что они были. Нет, память о них на самом деле вечна. Как, например, никогда не сотрутся слова, оставленные на стене разрушенной школы в Беслане не чьей-то рукой, а благодарным сердцем: «АЛЬФА, ВЫМПЕЛ спасибо за то, что вы спасали наших детей».

Другой борьбы против терроризма, как борьба не на жизнь, а на смерть, не бывает. Именно он – самая страшная болезнь нашего времени. Болезнь, которую не победить никаким лекарством, кроме как человеческим фактором. Ведь если вдуматься, то люди всей планеты Земля – заложники этой самой битвы. Вот почему так необходимо всем нам объединиться против зла, у которого нет лица и нет национальности. Как нет и будущего. Потому что оно разрушает, а не созидает, стремясь посеять в нас страх и ввергнуть страны в хаос. У этого зла нет религии, как нет и не может быть духовной

опоры, потому что ни в одном священном писании не найдете призыва – пойдти и убей ближнего своего. Наоборот: жизнь каждого человека – богатого и бедного, умного и глупого, ребенка и взрослого – священна.

В воспоминаниях людей, переживших террористические нападения, встречаются пронзительные строки. Вот что писал учитель из Дагестана: «Они назначают и берут за нас цену, как за отдельную голову, так и за всех сразу. Не верьте в их великомученическую идею, они убивают за деньги. Не важно кого: своих соплеменников или чужих, стариков или детей, женщин или мужчин. Они прокляты своим Богом. Их души мертвы. В сердце не должно быть к ним жалости. Нельзя жалеть бешеную крысу. Её нужно давить»...

В Национальном антитеррористическом комитете России собрано немало материалов, посвященных подвигу в мирное время. Среди свершивших его не только люди военных профессий, но и мирные жители, принявшие неравный бой и победившие смерть. Многие представлены к званию «Герой России», орденам и медалям. Их именами названы улицы, школы, корабли. Потому что есть и навсегда останется Память и наша величайшая Благодарность за то, что они сделали.

БУДЕМ ЗНАКОМЫ

Привет всем! Меня зовут Вениамин Соколов. Можно просто Веня или даже Венька, я не обижусь. Но не советую называть меня Веником. Сначала предупреждаю, затем – в глаз.

Закончил седьмой класс. Не скажу, что хорошо, но в общем-то нормально, с единственной тройкой по алгебре. Из внешкольной программы страсть у меня одна – журналистика. Два года назад выиграл по своему возрасту городской литературный конкурс с темой «О чём я мечтаю». А мечтал я всего-то о мире. О всеобщем мире. Без войн, взрывов и разного-всякого уголовного элемента. У моего приятеля Сани Ратова отца бандиты убили, он офицером был, и я помню состояние Саньки, когда тот узнал.

После того, как мне вручили диплом за победу в конкурсе, подошел очкастый парень и спросил, не хочу ли в свободное от школы время поработать в общегородской газете «Ученик». Я даже не слыхал о такой. Но, оказалось, что есть, её студенты факультета журналистики придумали и организовали. Но пишут в газету только школьники. А студенты – как учителя-наставники. Да-да, никаких взрослых. Только мы. Выпускаемся раз в две недели в университетской типографии. Тираж почти три тысячи штук, сами по школам развозим.

Я согласился. Интересно было попробовать. Сейчас у меня своя колонка на первой полосе. Пишу обо всем интересном, что найду и увижу. Наверное, неплохо получается, если стал звездой местного масштаба – это я шучу. Но без всяких шуток – наш главный редактор, тот самый очкарик Паша Осмолов

делегировал меня на месяц сюда, в Анапу, в оздоровительный лагерь на берегу Черного моря в качестве специального корреспондента. Заодно чтобы отдохнул, в море покупался. Сказал, что это награда за ударный труд. И добавил, что попаду в компанию уникальных ребят, каждый гений в своей области, их со всей России собирали.

Их – то есть нас. Причем, мы почти одногодки, а так всегда проще общаться. Кира Ломова из Смоленска, вместе с отцом вывела какой-то фантастический сорт груш. Женька Яковлев из Ульяновска, компьютерную игру придумал. Миша Волков тоже что-то такое изобрел, я пока до конца не разобрался, но это что-то местный радиозавод уже внедрил в свое производство, и Мишке выдали патент рационализатора и денежную премию. Рыжий – фамилия у него такая, а зовут Васей, вообще клоун, самый настоящий. В семейной акробатической труппе выступает. Недавно они вернулись из Монте-Карло с «Серебряным Клоуном» – высшей наградой международного конкурса. Иса Гареев из Махачкалы – чемпион мира среди юношей по вольной борьбе. Розалинда Валеева – для всех просто Роза – из Казани знает шесть иностранных языков, экстерном закончила школу с золотой медалью и сейчас учится на первом курсе Университета... Всего нас пятнадцать душ. Семь женского пола и восемь мужского. Каждый, конечно, со своими тараканами, но ребята все классные. За это ручаюсь. Ну, а я, выходит, летописец нашего дружного коллектива. Что-то записываю на диктофон, что-то в блокнот. Вечерами, когда ребят спят, восстанавливаю события прожитого дня, чтобы ничего не забыть. Как-то за этим занятием застал дежурный воспитатель. Могу его понять: час ночи, в комнате отдыха горит свет, и какой-то ненормальный оздоравливающийся строчит что-то на ноутбуке. Непорядок. Но я дал ему почитать, он проникся, и, уходя, сочувственно сказал: «Да, ребятки, нет у вас детства, какое было в наше время. Какие-то вы все непонятные. Даже не знаю, хорошо это или плохо».

Я тоже не знаю.

Здесь добавлю: меня меньше всего заботят философские прибабахи о жизни, и уж тем более о нашем несостоявшемся детстве. Я пишу о том, что меня окружает. Но когда слышу про «детский взгляд», то на память приходит язвительная фраза Стаса Бочкарева, моего коллеги по «Ученику»: «Если устами младенца глаголет истина, то им бы – тем, кто себя взрослыми считают – почаще прислушаться к нам, а не ставить в угол».

Самое сильное впечатление от месяца, проведенного в Анапе, – и это не только мое мнение, а всех наших – знакомство с замечательными ребятами из Питера: Илонкой и Виталиком, а так же их отцом Александром Ивановичем Капустиным. Стоп, чуть забегаю вперед. Надо как раз обо всем по порядку, иначе будет непонятно. Поэтому обращаюсь к дневнику, который тогда вел, а сейчас вот сию и литературно обрабатываю.

ПОПОЛНЕНИЕ ИЗ ПИТЕРА

После завтрака Гера Рябов, студент-математик 22-х лет от роду из славного города Краснодара, призванный администрацией быть у нас типа вожатого-воспитателя сказал, что сегодня должны подъехать еще двое ребят из Санкт-Петербурга. Кто такие и чем занимаются, он пока не знает, но со слов начальника лагеря они во всех отрядах – и среди нас тоже – будут проводить открытые уроки. Мы, честно говоря, прикололись от подобной инфы: что они за гении такие, если уже заранее приехали лекции читать?

Сидим в беседке, дурачимся, готовимся на пляж. Приходит Рябов в сопровождении парня и девчонки где-то нашего возраста, одетых в брюки и курточки цвета хаки, в белых рубашках, в синих галстуках и синих пилотках. Ничего видок. Только военнизированный немного. Рябов говорит:

– Так, знакомьтесь, Илона и Виталий Капустины из Санкт-Петербурга, учатся в восьмом классе. Вместе с их отцом Александром Ивановичем Капустиным, майором запаса, кстати, имеющим боевые награды, серьезно занимаются историей подвига в мирное время. Проведут беседы на эту тему в вашем отряде и других. Александр Иванович тоже приехал, так что будет осуществлять общее руководство процессом.

– Вам говорили, что вы на одно лицо? – Спросил новеньких Рыжий.

– К тому же еще и двойняшки, – улыбнулась Илона. – Виталий старше меня на семь минут.

– А папаня где награды отхватил? – Не унимался Рыжий.

– Ты поаккуратнее со словами, – зазвенел металлом голос Виталия.

– Чего-то не так? – Деланно удивился Рыжий. – И к чему мы такие агрессивные?

– Виталь, не надо, – попросила Илона брата. – Он же без зла. И обернувшись к потомственному клоуну объяснила как полному недоумку. – В антитеррористических операциях, после чего по ранению был вынужден уйти из армии. Сейчас пишет книги, работает в архивах. Мы ему помогаем, свою летопись подвига ведем, сотрудничаем с историко-патриотическими клубами из других городов, в школах Питера ребятам на эту тему рассказываем – ведь многие совсем ничего не знают...

– ...Будто на Марсе живут, а не на Земле, – жестко закончил Виталий.

– И я, пожалуй, один из них, – согласился Рыжий. – Тяжелый случай.

– Я, наверное, тоже, – добавила Валеева.

– Хорош голову пеплом сыпать, – подытожил первое впечатление от знакомства Мишка Волков. – Вас, как понимаю, с нами тусоваться определили, так что предлагаю забить на расписание, по нему в других отрядах лекции читать будете, а с нами разговоры – по мере возникновения вопросов. Кто «за»? Единогласно. Рвем на пляж, по дороге и начнем.

– Волков, как у тебя просто получается: рвем, единогласно, вопросы по дороге... – вмешался в разговор вожатый-воспитатель Гера Рябов. – А ведь у нас ко всему прочему план мероприятий имеется, подписанный начальником лагеря, и данная тема – лишь его составная часть.

– Дорогой Герман Вольфович, будьте проще, и народ к вам потянется, да что там – уже тянется, но никак дотянуться не может, – забалагурил Рыжий, заставив улыбнуться Рябова, и мы пошли на пляж, а вновь прибывшие – в приморский корпус, где наше подразделение располагалось в двух огромных комнатах на первом этаже: мальчиковой и девчоночьей. Питерцы обещали через несколько минут присоединиться. Нормальный расклад: мы пока что вопросы для них набросаем.

ВВЕДЕНИЕ В ТЕМУ

Всё как по графику: минут через пять ребята нарисовались на пляже уже в нормальном черноморском прикиде – шортах, майках, бейсболках и шлепках на босу ногу.

– Где форма? – Строго спросил неугомонный Рыжий.

– Вась, не смешно, – будущий кинолог Ленка Орлова, кстати, уже передавшая пограничникам двух восточно-европейских овчарок, дернула клоуна за рукав футболки.

– Понимаешь, – обернулась Илонка к Рыжему, – форма обязывает. Мы раньше об этом не знали. Но папа настоял, чтобы попробовали. Сами с Виталиком её и придумали. Когда с людьми встречаемся, материал собираем в библиотеках и архивах, то такое чувство, что ты как бы при исполнении, и что это не игрушки, а необходимая и очень ответственная работа. Понятно объяснила?

– Однозначно, – весомо оценила ее монолог Орлова. – Так над чем трудитесь?

– Вопросы, связанные с антитеррористической тематикой, – по-взрослому объяснил Виталик. – Если конкретнее, то военный подвиг в мирное время.

Остальные ребята начали потихоньку тоже стягиваться под навес. Солнце жгло немилосердно. Уже по разу обгорев, мы теперь дружно и глянцево блестели какой-то пахучей мазью, которую раз добыл Гера Рябов, и, пока она регенерировала наш подкопченный кожный покров, при фразе «пойдем, позагораем» интеллигентно просили не издеваться над больными людьми.

– На эту тему в отрядах будете вещать? – Спросил Стас Горбатко, юный композитор из Екатеринбурга. Несколько его песен уже во всю крутили по радио в исполнении звезд отечественной эстрады. Более того, Стасик к половине из них сам слова сочинил.

– Да. – Просто ответила Илона.

– Так, может, с нас и начнете? Прямо здесь и сейчас. – Предложил Волков.
– Все свои, стесняться нечего.

– Да мы и не стесняемся, – начал было Виталик, но его перебил Женька Яковлев как всегда пребывающий в обнимку с ноутбуком:

– Погоди, Волчок, договорились же турнир по одной классной игрушке замутить...

– Поддерживаю предложение Волкова, – оборвала его Орлова. И обращаясь к Женьке добавила, – хоть на секунду отлипни от своего ящика. Поиграть успеем. Лучше послушай живую речь, вдруг чего нового узнаешь.

Женька обиженно засопел:

– Как хотите, я вам не мешаю, вы – мне.

– Решили? Поехали. – Подытожил Мишка. – И можно не вставать, у нас здесь демократия.

– Ох, ребятки, вы, как всегда, торопитесь, – вступил в разговор Герман Вольфович Рябов, до этого момента дремавший в тенёчке с раскрытым детективом Агаты Кристи на пузе. – Но тоже перебазировался поближе и замер в молчаливом ожидании.

Илонка вопросительно глянула на брата – мол, что делать, не по расписанию общение получается. Тот подумал пару секунд и повторил за Волчком:

– Поехали.

Сестра согласно улыбнулась, но вместо того, чтобы начать с чего-нибудь интересенького и увлекательного вдруг спросила:

– Кто знает, что такое терроризм, и что он несет людям?

– Могу зачитать, – через мгновение откликнулся Яковлев, успевший пройтись по поисковику.

– Если можно, то без подсказок и своими словами, – попросила Илона.

– Детский сад, – проворчал Женька. – Чего отсебятину гнать, когда вся инфа вот она, в сети, бери – не хочу.

– Илона, а ведь Як прав, – тем не менее, задумчиво произнес Волков.

– Мы не дети, чтобы наизусть, голова лопнет всё запоминать.

– И мы не дети, – отчеканил Виталик. – А спрашиваем, чтобы понять, до какой степени не дети вы.

– Терроризм – это всемирное зло, – сбил возникшее напряжение звонкий голосок Розы Валеевой. – Необъявленная война человечеству. Смерть мирных и ни в чем не повинных людей. Убийство, которому нет, и не может быть оправдания. Желание посеять страх, восстановить против друг друга, попытка подорвать устои государственности, общества, морали, религии. Это очень страшно... Я читала об актах терроризма в разноязычных изданиях – и правых, и левых, но нигде не увидела ни одного оправдательного момента, даже намека на сострадание к тем, кто совершал террористические акты. И если эту экстремистскую разновидность агрессии аналитики пытаются объяснить умом:

например, терроризм за деньги, как вид кровавого бизнеса, то понять сердцем, я уверена, не в состоянии ни один здравомыслящий человек.

После монолога Розы мы погрузились в глубокое молчание. Именно погрузились, как бы придавленные невидимым грузом.

Первым нарушил шуршанье морского прибора Рыжий.

– В прошлом году выступали во Владикавказе, в цирке Шапито, как раз до сентября. Там конкретно узнал из местных газет и телевидения, что произошло в Беслане первого сентября 2004 года. До этого слышал что-то о трагедии в местной школе, но не фиксировался. Когда она случилось мне было семь лет. После – не до того: всегда занят, новые программы, новые города, а остальное как бы за кадром. Тут увидел фотки, сделанные в те дни, и стало сильно не по себе. Да что там говорить, я с Розкой полностью согласен, страшно стало. И заодно мыслишка такая подленькая: слава Богу, что не со мной... Ну, чего вылупились? Вот такое я дерьмо. Стыдно, но что было, то было.

– Ты, Вась, не один такой исключительный, – Ленка Орлова выговаривала слова не привычным для нее гортанным голосом, так случается, когда волнение перехватывает голосовые связки. – Где что произошло – взорвалось или обрушилось, первые звонки по друзьям и родственникам – живы ли, здоровы? После начинаешь задумывать, а что с другими людьми? И жалеть тех, кого коснулась беда, и желать страшной смерти сделавшим такое, и заодно тихонько, где-то в глубине души радоваться, что не твой путь трагедия пересекла... Я

когда собаками начала заниматься, то сказала, что хочу воспитать своего кокера Дика на поиск взрывчатки. Мне объяснили: девочка, этой подготовкой занимаются взрослые дяди и тети. Вот подрастешь... Через три года уже смогу.

– Наша тема как раз о тех, кто защищает, предотвращает, спасает. Часто ценой собственной жизни. – Прервал очередное молчание Виталик. – И поступают они так не только согласно Присяге или воинского долга. И по долгу общечеловеческому. Потому что сильные духом, справедливые и совестливые. Один боевой офицер сказал нам: «Кто бы и что ребята вам ни говорил, запомните одно: такими не рождаются, такими становятся. Атмосфера нужна правильная. Тогда и люди правильными получаются».

– Когда общались с врачами-психологами, которые тогда срочно вылетели в Беслан, чтобы помочь в реабилитации людям, пережившим тот кошмар, – вступила в разговор Илона, – они объяснили, что при возникновении чрезвычайной ситуации любой человек первым делом беспокоится о родственниках, любимых и друзьях. Такова поведенческая норма. Плохо другое, когда со спокойной душой отправляешься затем по своим делам: если с твоими всё в порядке, значит, нигде ничего не произошло...

А вот в Беслане произошло, – продолжила она свой монолог. – Еще меньше часа назад ничто не предвещало трагедии. Солнечный, по южному теплый день, голубое, безоблачное небо. Праздник первого сентября. Детей в школу провожали целыми семьями: мамы, папы, братики и сестрички, бабушки и дедушки. Более тысячи человек. Яркие цветы, красивая одежда, радостные улыбки, звонкий смех. Все собрались во дворе, перед входом в школу, на торжественную линейку. И вдруг – выстрелы. Несколько десятков вооруженных до зубов боевиков в камуфляжной форме начинают загонять людей в здание школы. Не подчинившихся убивают на месте. Детям, которые пытаются вырваться из этого плена, посылают вдогонку пули.

Основная масса заложников собрана в спортзале, по периметру которого и по стенам размещены взрывные устройства. Заряды, начиненные металлическими шариками, чтобы максимально увеличить зону поражения, прикручены к баскетбольным кольцам. Если это одновременно взорвется, то стены и крыша погребут под собой всех, и неотвратимый пожар не оставит даже малейшего шанса для тех, кто чудом останется жив.

Плачут самые маленькие... На второй день людей лишают воды. Они вынуждены пить собственную мочу. Кто-то не выдерживает и теряет рассудок. Чтобы обезопасить себя, бандиты бьют в окна стекла – кроме спортзала – и заставляют старшеклассников забаррикадировать их столами, стульями, партами. Попутно издеваются и убивают. Сначала мужчин, трупы которых выбрасывают во двор, чтобы подавить саму мысль о возможном сопротивлении изнутри, и заодно как бы заявляя о своих намерениях тем, кто вышел с ними на переговоры. В нескольких окнах выставляют живой щит из ребят – если предпримите какие-то активные действия, то придется стрелять по детям... Это

лишь крупицы неимоверного людского страдания и бандитского беспредела, что происходили в Беслане с первого по третье сентября.

А теперь две самые страшные цифры: 333 человека погибших, из них 186 – дети от годика и до семнадцати. 800 заложников были ранены, кто-то вылечился, кто-то на всю жизнь остался инвалидом. Убитых могло быть намного больше, если бы не военные, которые проводили операцию по освобождению и, не задумываясь, совершали поступки, которые сегодня мы называем геройскими.

НАВЕЧНО - ОФИЦЕРЫ БЕСЛАНА

– Я где-то читал, что в Беслане, когда освобождали школу, погибло неожиданно много бойцов спецназа, а ведь эти подразделения, как понимаю, считаются самыми подготовленными для боя против террористов, – Миша Волков посмотрел на Виталика, как бы в ожидании подтверждения или опровержения своих слов.

– Вы правы, молодой человек, – раздался за нашими спинами густой баритон. Все, как по команде, обернулись. Крепкого телосложения мужчина с седым ежиком волос, облаченный в легкий костюм и белую рубашку, обвел наши стройные ряды внимательным взглядом.

– Папка пришел, – вдруг неожиданно выдохнула Илона и тут же густо покраснела от столь явного проявления дочерних чувств. Папка улыбнулся и продолжил:

– Но в Беслане офицеры спецподразделений выполняли как бы две задачи. Непосредственно боевую. И одновременно с ней общечеловеческую, если хотите, отцовскую – так сложились обстоятельства: они не только подавляли огневые точки и уничтожали бандитов, но и выносили, выводили, закрывали своими телами детей. Десять героев из состава оперативно-боевого подразделения Центра специального назначения ФСБ России погибли во время бесланской операции. Невосполнимая утрата.

– Но ведь это их работа, и, наверное, каждый знал, на что шел, – Мишка переключил внимание на вновь прибывшего.

– Прежде, чем продолжить, представлюсь: Александр Иванович Капустин, кандидат исторических наук, отец Илоны и Виталия.

– Нам сказали, что вы бывший офицер, боевые награды имеете, из-за ранения ушли из армии, – встрял в разговор Стас Горбатко.

– Информация в чем-то верна, – вновь улыбнулся Капустин-старший, при этом выразительно глянув на нашего вожатого-воспитателя, в ответ Гера Рябов развел в стороны руки, как бы объясняя – что он от начальника лагеря услышал, то до масс и донёс.

– Но есть один нюанс. Офицер, во всяком случае, для меня и моих товарищей, это не просто «должностное лицо силовых структур», как пишут в справочниках, а образ жизни и отношение к делу. Поэтому среди нас не бывает «бывших». Теперь отвечу на вашу реплику, молодой человек, – продолжил Александр Иванович, обращаясь к Мишке. – В спецподразделения, например, такие как «Альфа» или «Вымпел», эти названия вы, конечно, слышали, берут самых лучших, самых подготовленных. Их задача – ликвидация террористов и освобождение заложников. В Беслане они и выполняли свою непосредственную работу. Но ситуация при этом была одновременно и штатной, и нештатной. На боевое задание по выявлению и подавлению огневых точек врага наложилась ответственность за детей, которых надо было спасти. А руки-то всего две. Когда в одной автомат, а в другой маленький человечек нет возможности вести прицельный огонь. И когда с ранеными, обожженными заложниками на руках они выбегали из здания школы, бандиты, как и всем остальным, стреляли им в спины. Вот так, раз за разом подставляя себя под пули, они спасали, закрывали, выносили детей из этого ада, чтобы через пару минут вернуться в него вновь.

Знали ли они на что шли? Я уверен, знали. Именно эту осознанную необходимость, самопожертвование, и высшую справедливость называю подвигом. Вот вы, молодой человек, сказали, что это у них работа такая.

Подпишусь под каждым вашим словом: да, у них такая работа, которая называется просто – Родину защищать. В тоже время очень емкие два слова. В них долг и профессионализм, офицерская честь и доблесть, предельная личная ответственность и элементарная человеческая порядочность.

– Как папа сказал, десять офицеров спецназа отдали свои жизни в Беслане, – прервал возникшую паузу Виталик. – С их имен гриф «секретно» посмертно снят. Поэтому можно говорить, как есть, – при этих словах сына Александр Иванович согласно склонил голову.

...Подполковник Дмитрий Разумовский. Посмертно ему было присвоено звание Героя России. Первого сентября 2007 года на его родине в Ульяновске открылся мемориальный комплекс. В тот день почтить память

Разумовского приехали из Беслана матери детей, которых тогда спасали бойцы-спецназовцы.

Читая воспоминания родных, друзей, сослуживцев Дмитрия Александровича, мысленно рисуется образ благородного, сильного, мужественного, глубоко профессионального, неординарного человека, еще до Беслана познавшего, что такое «проверка боем». В конце прошлого века вместе со своей десантно-штурмовой маневренной группой московского погранотряда он закрывал таджикско-афганскую границу от банд моджахедов, которые любой ценой, не считаясь с потерями, пытались протащить огромные партии наркотиков на территорию дружественного России государства, откуда это зло растекалось по разным странам. Более того, экстремальные исламистские группировки разрабатывали план вторжения в Таджикистан, и опытным путем проверяли, на сколько хорошо охраняется местное приграничье.

Как работала группа «быстрого реагирования» Разумовского? Шестнадцать застав укомплектованные московским погранотрядом «закрывали» двести километров границы. Когда поступал сигнал, что где-то прорыв, идет бой, нападению подверглась застава, «вертушки» подхватывали бойцов группы, и они мчалась «тушить по жар». Всегда – с риском для жизни. За четыре года службы на «горячей линии» Дмитрий Александрович удостоен ордена «За личное мужество» и медали «За отвагу» – дорогие и значительные боевые награды. Когда уезжал из Таджикистана, ребята написали на парашюте сигнальной ракеты: «Командир, спасибо тебе, что сохранил для наших матерей их сыновей». За голову капитана Разумовского моджахеды даже назначили немалую награду – триста тысяч долларов – это после того, как его отряд перехватил три тонны героина.

Он был исключительно думающим командиром, умел предугадывать ходы противника. Об этом говорит хотя бы такой факт: после Таджикистана, за шесть лет работы в «Вымпеле», уже нынешняя группа майора Разумовского не потеряла ни одного человека. Все знали, что он никогда не продаст, не предаст и не подставит. Наоборот, без оглядки, невзирая на чины и должности, будет отстаивать собственную правоту и правоту своих подчиненных. И не было случая, что он хоть раз изменил своим принципам. Боевой офицер, словом. Участвовавший в освобождении заложников на Дубровке, в спецоперациях по ликвидации бандформирований в Чечне, Дагестане, Ингушетии. Однажды в станице Слепцовская его группа более десяти часов вела неравный бой с боевиками. Десять часов постоянного сверх напряжения, когда цена любой, даже мало-мальской промашки или какого минутного недопонимания – жизнь. И надо выдержать не только физически, но и психологически. Ведь груз личной ответственности командира увеличен ровно на столько, сколько людей у него в подчинении. Служивцы Дмитрия Александровича вспоминали, что в мирное время, похожих требовательностью на Разумовского, подчиненные не очень-то жалуют. Потому что они выжимают последние соки, заставляя тренироваться и готовиться через «не могу» даже самых ответственных и сознательных.

Общеизвестно, что у везения тоже есть свой предел. Вот почему на войне на таких, как Разумовский, молятся. И уже не вспоминают недавнюю свою зависть, что у кого-то были полчаса на роздых в травке поваляться, а у «бати» Разумовского, как всегда, отдохнули за отработкой приемов рукопашного боя. Он для них истинно был батей. В одном лице и мама с папой, и родина, и страховая полис на любую ситуацию. Таким в бою верят бе-зо-гляд-но. И выше награды чем эта, для любого командира нет и никогда не было. Но в то же время каждый из его бойцов осознавал, не заложи Разумовский в них эту самую подготовленность и профессионализм выживания, груз «двести» мог бы пополниться за их счет.

Виталий выждал паузу, чтобы мы переварили услышанное, и через десяток секунд продолжил:

– В одном из источников нашел фразу Дмитрия Разумовского какую произнеси вслух, и не надо больше ничего добавлять о том, каким командиром он был. Вдумайтесь в его слова, при этом помня старинную поговорку: «на судьбу надейся, а сам не оплошай». Итак: «Пятнадцать лет меня и моих бойцов оберегает судьба: у одного было поверхностное ранение, у другого зуб откололся – и всё».

Мы молча и честно вдумывались в только что услышанное, пока наш вожатый-воспитатель не сказал, что вообще-то через полчаса обед и не мешало бы зайти по дороге в корпус, себя в божеский вид привести.

– А что если мы прямо отсюда двинем на прокорм? – Предложил Волков. – Чего зря время терять? Кто «за»? Единогласно. Тогда Германа Вольфовича отпускаем, перед входом в столовку встретимся. За нами, маленькими, пока присмотрит Александр Иванович, если, конечно, он тоже никуда не торопится.

Капустин-старший, пряча улыбку, всей своей фигурой выразил полное согласие – мол, как пить дать, присмотрю.

– А ты, Волков, оказывается, настоящий клоун, – с явным неодобрением произнес наш самый лучший в мире вожатый-воспитатель. Тут же прозвенел голос Рыжего:

– Герман Вольфович, вы перепутали, это я – клоун, Мишка-то всего лишь навсего изобретатель.

– Все вы – клоуны, пробурчал Рябов, и тут же добавил, – полчаса даю, но ни секундой больше. В конце концов существует распорядок, который мы обязаны выполнять.

Пятнадцать пар вопрошающих глаз вновь выцелили Виталика.

– А затем был Беслан. – Продолжил он, будто и не прерывался. – Третье

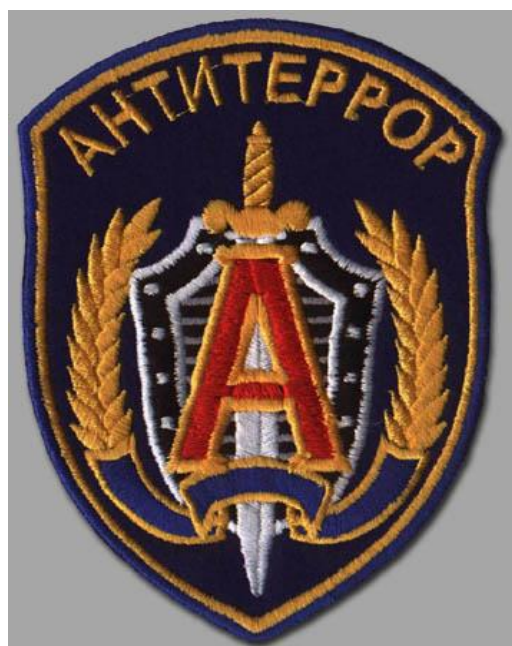
сентября две тысячи четвертого года. Двумя днями раньше бойцы «Вымпела» и «Альфы», составившие оперативно-боевое подразделение Центра специального назначения ФСБ России, срочно вылетели в «командировку». Так на их профессиональном сленге называется очередное задание.

«Спецы» очень редко работают с листа, если только не заставят стремительно разворачивающиеся события.

Например, необходимо доскональное знание местных условий. Предстояло отработать детали операции в здании, похожем на школу, где произошел захват. Рядом такого не нашлось, но похожее отыскалось. Перед этим выяснили у местных, из какого кирпича стены, какие стекла в окнах спортзала; расположение на этажах актового зала, библиотеки, столовой, комнат и кабинетов.

Пока разведка и снайперы отслеживали ситуацию, группы готовились на полигоне 58-й армии. Затем из штаба поступила информация, что в спортзале произошел взрыв, дети и взрослые под огнем бандитов выбегают на улицу.

На штурм они пошли прямо из автобуса. Разумовский и еще восемь бойцов его группы заняли исходную позицию метрах в пятидесяти-шестидесяти напротив спортзала. Под прикрытием «брони» эти метры было не преодолеть. Бандиты заминировали и здание

школы, и подходы к нему. Так что вариант один – рывком, под прицельным и плотным огнем террористов.

Они готовились к атаке по «полю смерти», укрывшись то ли за заборчиком, то ли за хлипкой стенкой сарая, которую пули готовы были искрошить в труху. Разумовский на равных среди остальных. Нет, прошу прощения, не на равных, он хоть на полшага, но впереди своих ребят. Потому что командир держит «поляну» целиком, отвечает за каждого из них, и, если надо, прикроет собой. Тем же самым, не задумываясь, ответит любой из его команды.

При проведении операции огромное значение имеют слаженные действия не только бойцов одной группы, которые за годы, проведенные вместе, научились с полувзгляда понимать друг друга.

Жизненно важным при выполнении заранее определенных задач становится взаимодействие всех подразделений, и при этом ни секунды промедления после получения «добро» на атаку, как бы убийственно тяжело не разворачивались события.

Разумовский получил приказ выдвинуться к стене школы, скомандовал, и они, все девять, рванули вперед, контролируя свои сектора, прикрывая друг друга огнем и одновременно стараясь прикрывать собой детишек, выскочивших во двор школы, и которых еще не успели настичь бандитские пули. Разумовский и здесь был первым. Он просто работал во имя жизни. И это не расхожие слова, а настоящие, согласно моменту: простые воины и одновременно великие люди занимались привычной для себя работой – каждый миг своей жизни отдавая за продолжение жизни других.

Снайпер попал в грудь Дмитрия Александровича, в место, не защищенное бронежилетом. Две пули, одна из них, похоже, задела аорту. Он еще успел отдать свой последний приказ: «Пробило... Вытаскивайте». Но если вы хоть на секунду подумали, что «вытаскивайте» касалось смертельно раненного Разумовского, то не поняли ничего из рассказанного мною. Последний жест Дмитрия Александровича был в сторону беззащитных детей.

– Я бы так не смог, – тихо сказал Рома Спицын, победитель международного конкурса юных скрипачей. – Страшно... И одновременно поганно как-то, ощущать себя трусом.

– Я о том же подумал, – прозвучал вдруг охрипший голос Миши Волкова.

Да и я, чего самому себе врать, мысленно протиснулся бочком на место тех беслановских героев, и не знаю, как бы поступил, хватило бы духа вот как они.

– Позволю себе кое что вам объяснить, – Капустин-старший встал рядом с сыном. – По поводу только что услышанных сомнений. Тем более что совсем недавно мы на эту тему говорили с Виталием. Я бы удивился и, наверное, не поверил, если бы здесь прозвучало обратное. Представить, как бы ты поступил, и сделать то же самое в реальной жизни – совершенно разные вещи. Что, по собственному опыту готов утверждать, проверяется только практикой. Хочу

заострить ваше внимание, молодые люди, и на такой составляющей: чтобы оказаться среди тех девяти, вам сначала надо было бы выбрать воинскую профессию; затем выдержать жесткий отбор в элитное подразделение, которое не парадным шагом марширует, а каждый день рискует угодить под пули врага, и пули эти не из пластилина; закрепиться в нем, став для каждого своим; пройти все этапы суровой подготовки, я бы сказал, своего рода курс выживания в экстремальных условиях; проникнуться кодексом чести офицера, гражданина и просто человека, когда самопожертвование становится как бы чертой характера... Тогда еще можно о чем-то рассуждать. Хотя подобные разговоры, если за тебя говорят твои поступки, уже не нужны.

– Ну а ты бы смог? – Шепотом спросил Виталика неугомонный Волков.

– Не знаю, – так же шепотом ответил Капустин-младший.

НАВЕЧНО - ОФИЦЕРЫ БЕСЛАНА (2)

– Вы тоже будете вести с нами беседы? – Светски поинтересовалась Роза Валеева у Капустина-старшего по дороге в столовку.

– Нет, если только не сочту возможным что-то дополнить или прояснить, – ответил тот. – Понимаете ли, милая девушка, я глубоко уверен, что когда есть возможность общения ребят друг с другом, это намного правильнее и эффективнее, чем лекция или даже доверительная беседа с участием взрослого. Виталий и Илона к тому же достаточно много знают, и умеют правильно подать тему.

– Ваш сын замечательный рассказчик, подхватила Розка. – Мне очень понравилось. Он так по-взрослому говорит, что кажется, будто книгу читает.

Александр Иванович горделиво расправил плечи:

– Я вам по секрету скажу, что буквально перед отъездом сюда, Виталий закончил документальную повесть, даже мне еще не показывал, только Илонке отдельные фрагменты зачитал, и еще пишет очень неплохие стихи для своего возраста.

– Значит, военным он не будет, – выдала четкая, но иногда резковатая Роза Ренатовна, как на разделочном столе отделяя «физика» от «лирика».

– Как раз наоборот. Собирается после школы поступать в Военный институт иностранных языков. И как вижу, решение это вполне серьезное.

– Ой, как здорово! – Непонятно чему обрадовалась супер-отличница Валеева, переходя от состояния «ножа» к состоянию «кастрюли», единственное, что от счастья в ладоши не захлопала и на одной ножке не запрыгала. – Тогда я тоже смогу многое ему рассказать!

К Илонке было не пробиться. Рыжий и Мишка Волков как два телохранителя вышагивали по бокам, впереди пылил Яковлев, умудряясь даже на ходу зависнуть в инете. Сзади маршировали еще два богатыря и одна

богатырша – Стасик Горбатко, Рома Сеницын и кинолог Ленка Орлова. При этом вопросы из всех шестерых сыпались как из рога изобилия.

– Откуда материал берете?

– Из газет, журналов, книг. Обмениваемся информацией с военно-патриотическими клубами. Много записей делаем, когда с подачи папы встречаемся с военными журналистами, бойцами и командирами, участвовавшими в антитеррористических операциях.

– И они вам обо всем рассказывают?

– Нет, конечно. В основном лишь то, что открыто для общего пользования.

– А когда начали заниматься этим делом?

– В шестом классе. Наш классный руководитель пригласила папу, чтобы тот рассказал о подвиге. Дома мы как-то не задумывались, над чем он работает, а тут вдруг будто глаза открылись. Объяснили ему, что хотим заниматься тем же. Даже придумали с Виталиком «Энциклопедию подвига» – когда на каждую букву алфавита имена героев и что конкретно они сделали. Но оказалось, что большинство фамилий, и в первую очередь представителей спецподразделений, афишироваться не могут. Так пришлось распрощаться с нашей замечательной идеей. После чего Виталик предложил писать рассказы, как говорит папа, «на документальной основе». С этого всё и началось.

Тут Женька Яковлев остановился как вкопанный, мы все чуть в него не поврезались, а он, не отрывая глаз от экрана нотика, глухо произнес:

– Только что нашел, в Беслане парень был, Туркин его фамилия, собой гранату накрыл.

– Лейтенант Туркин Андрей Алексеевич, еще один из настоящих Героев России, – сказала Илона.

– Мы уже слушаем, – поторопил Рома Сеницын.

– У Виталика это лучше получится. Беслан – его тема.

– Вы что, и события делите? – Удивился Рома. – Ну, кто о каком инфу собирает?

– Конечно. Чтобы не повторять друг друга. Объем информации большой, хочется всё охватить...

В течение дня предметно пообщаться с Виталием не получилось. Мы ведь еще различные кружки в отрядах ведем. Казбек Тураев – борцовский, Роза Валеева – практикум по иностранным языкам, Вася Рыжий жонглированию учит и владению собственным телом... В общем, все при общественно полезном деле. Но самая популярная личность в лагере, конечно же, Женька Яковлев: через его компьютерный класс со всевозможными эксклюзивными игрушками даже вожатые умудрились не по одному разу пройти.

И только после отбоя, когда в нашей «палате» был потушен свет, когда за окнами разлилась тишина и замерцала далекими искорками звезд почти черная крымская ночь, мы превратились в одно большое ухо – это когда Виталька начал свое повествование.

– Подразделение, в котором был Андрей Туркин, в здание школы прорывалось через спортзал. Вокруг творилось что-то невообразимое – мечущиеся окровавленные дети и взрослые, густой дым, пожар. Работать группой им не пришлось. Толпа заложников буквально разорвала ряды бойцов. Задача из одной общей, которая отработывалась перед штурмом, превратилась в несколько локальных.

Андрей с еще одним офицером, оба уже раненные, организовывали отход заложников, когда откуда-то сзади выскочил террорист, дал автоматную очередь и вновь нырнул за спасительный угол. Скорее всего, каким-то шестым чувством Туркин уловил, что через несколько секунд последует бросок гранаты, обернулся и буквально столкнулся с бандитом. В руке у того была зажата граната с уже выдернутой чекой. Андрей, собрав последние силы, прыгнул на этого нелюдя, крутанул за руку, державшую снаряд и последним рывком послал свое тренированное тело на упавшую на пол гранату... Взрыв прозвучал приглушенным хлопком. Лейтенант Туркин, веселый и отзывчивый молодой человек возрастом чуть за двадцать, элитный офицер родом из казачьей станицы Краснодарского края, принял все смертоносные осколки на себя.

– Простите за банальность, но сейчас вспомнил чьи-то слова: героями не рождаются, героями становятся, – прорезался из своего угла интеллигентнейший Рома Синицын.

– Ром, так Виталька об этом утром на пляже вспоминал. Забыл что ли? – Удивился Рыжий и безапелляционным тоном добавил. – Нет, мужики, это судьба. Плохому человеку такое испытание никогда не будет послано свыше, не справится он с ним.

– Когда собой гранату накрывал, ведь не думал, что пронесет, что отделается легкими ушибами, – сказал Волчок. – Я вообще не представляю, о чем можно думать в такую минуту. О долге? О процветании земли? Ни в жизнь не поверю. Представьте, вот он прыгает на террориста, а у самого мысль в голове крутится: я исполняю свой воинский и гражданский долг. Бред. Что-то большее должно руководить. Не знаю, что, но мозжечком чувствую, должно. Человеку, не пережившему нечто похожее, наверное, вообще не дано понять. И это что-то находится за гранью привычной трактовки любого из наших поступков. И уж точно не возникает само по себе. Обязательно должна быть какая-то предыстория, оставленная воспитанием, средой обитания, примерами товарищей – чем-либо или кем-либо.

– Мы затрагивали эту тему в беседах с офицерами, которые тоже совершали геройские поступки, – продолжил Виталий. – Один из них, Герой России, объединил своим ответом, на мой взгляд, основное из ответов предыдущих: «Когда делаешь свою работу, напряжение всегда столь велико, что нет времени подумать ни о чем другом, кроме как о выполнении приказа. И каждым твоим шагом руководят в те минуты или даже часы не сердце или мозг, а личный боевой опыт, подготовка и натренированные до рефлекса умения не просто выжить, а выйти победителем, то есть – решить поставленную задачу. Но

в тоже время каждый из нас человек, а не машина. И в Беслане ребята поступили так, как если бы защищали свою семью, своих детей, своих жен и матерей. А это и есть твоя земля, твой дом, твоя Родина. У представителей спецподразделений железное правило: ты не думаешь о себе, но всегда – о тех, кто рядом. Потому что ты последний рубеж, и дальше уже никого, кроме тебя. Воспитывается эта ответственность по маленьким крупичкам всей твоей предыдущей жизнью. У нас лишь оформляется в нерушимый закон, который никогда не выключается на подсознательном уровне. А уж дальше – какую строчку тебе приготовит судьба ...».

– Ну, пацаны, до маразма договорились! – Яковлев даже сейчас юзал свой ноутбук и изголовье его койки, стоящей чуть на отшибе, чтобы спать никому не мешал, освещалось холодным голубоватым светом.

– Ты это к чему? – Встрепенулся Рыжий.

– К тому, что блог один нашел, где какой-то пряник спецназовцев сравнил с камикадзе. Одурел народ. Я в теме – нулевой, да и то понимаю, что если кто из них о смерти наперед подумает, то его на задание брать нельзя, неадекват может в поступках проявиться.

– А ведь так и происходит, – сказал Виталик. – Обязательное правило: пока боец психологически в себя не придет, остается «дома».

– Я еще о взрывнике прочитал, – Женька наконец-то захлопнул крышку компа, после чего наша комната окончательно погрузилась в ночную темень, – который в бесланской школе окна от всякой дряни освобождал, чтобы дети могли через них на свободу выбраться. Он ведь тоже из спецназа?

– Тоже. В группе – а это полностью автономная боевая единица – у каждого своя специальность. Майор Михаил Борисович Кузнецов являлся высококлассным специалистом по взрывным устройствам, был одним из ветеранов «Вымпела», начинал еще с Афганистана. «Спецы» как он ценятся на вес жизни, во время операции таких охраняют и сохраняют всеми возможными способами. Их стихия не выявление и подавление огневых точек, а ювелирная инженерная работа.

Когда начался штурм, Кузнецов находился в резерве. Но увидев, что дети пытаются под пулями террористов покинуть здание, не выдержал, бросился к ним на помощь. Окна высокие. Маленькие боятся с них прыгать. Вокруг взрывы, осколки, стрельба. Михаил Борисович, где-то отыскал парту, укрепил под окном, и, начал помогать ребятам в их первых шагах к возвращению. Он успел спасти человек двадцать, когда его расстреляли в спину...

Командиры всех трех групп спецназа погибли в Беслане, героически принимая огонь на себя. В этом и заключалась их главная привилегия. Я однажды рассказывал о них в нашем классе и сравнил с красными комиссарами времен Гражданской войны – этим периодом истории России тоже увлекаюсь. У тех тоже была привилегия – они первыми поднимались в атаку, можно сказать, лова на грудь первые пули. Меня ребята не поняли, зато просветили: нашел кого с кем сравнивать, что было тогда и что есть сейчас? Но я-то только самое

главное имел ввиду, что было в русских командирах всегда, независимо от времени и цвета флага.

Тогда впервые и подумал, что командир – не должность, а призвание и предназначение. Что можно перемешать многовековые страницы российской военной истории, но поступки истинных командиров, их отношение к подчиненным и в нашем гражданском понимании подчас запредельная требовательность к себе всегда останутся слепленными из одного и того же теста... На объективность не претендую, это мое личное мнение.

Ладно, отвлекся... Об Ильине хочу рассказать. О подполковнике Олеге Геннадьевиче Ильине, сибиряке, отце троих детей, обладателе взрывного характера и холодной головы, умевшего всегда и везде быть впереди.

Но сначала еще раз о долге: если хотите, перед всем человечеством, страной, людьми, товарищами, и, конечно, перед самим собой. Почти у всех, кто погиб в Беслане из «Вымпела» и «Альфы», остались дети. В том числе и совсем маленькие и даже еще не родившиеся, как сын Андрея Туркина. Свои, родные. Но у меня язык не повернется сказать, что они спасали чужих детей. Нет, таких же родных и таких же своих. И в этом тоже их величие. Вот и всё отступление.

Когда в школе прозвучал первый взрыв, а это было неожиданно, потому что продолжались переговоры, группа Ильина выполняла разведмероприятия. Увидев, как террористы начали пальбу по побежавшим детям, Ильин мгновенно принял решение о вступлении в бой и прорыве в здание. Они закрепились на первом этаже, недалеко от столовой. В паре с Ильиным работал прапорщик Денис Пудовкин. 28-летний Денис Евгеньевич Пудовник из подмосковного Ногинска, мастер рукопашного боя, снайпер. Для него это была всего лишь третья командировка. Он погиб от автоматной очереди, практически, в упор, прикрыв грудью женщину-заложницу.

Но еще раньше Ильин получил приказ из штаба об отходе: захватить школу силами только разведгруппы было нереально. И, может быть, впервые в жизни, подполковник Ильин нарушил приказ. Пускай, уже почти все раненные, но его ребята из разведгруппы замкнули на себе определенные силы террористов, а пробиваться сюда заново было сопряжено с новыми потерями.

Теперь, пожалуй, самое главное: они не могли уйти, оставив здесь людей, которых пришли защищать. И приняли, по сути, неравный бой, тем не менее продвигаясь вперед и зачищая комнату за комнатой. Прошли первый этаж. Прорвались на второй. Олег Геннадьевич успел сразить двоих бандитов, перед тем, как получил рану «не совместимую с жизнью»...

Майор из «Альфы», командир группы Александр Валентинович Перов. Потомственный военный, сын полковника воздушно-десантных войск. По следам отца и старшего брата окончил Московское высшее командное училище, получил лейтенантские погоны, а вскоре, вопреки логике дальнейшей службы выпускника «кузницы военных кадров», оказался в спецназе. Исключительно по собственному желанию и во многом благодаря своей спортивной и военно-

прикладной подготовке. Он всегда и во всем достигал поставленной цели, ибо тоже был из когорты победителей. Стал командиром, за которым шли без сомнения. В сентябре Перов должен был поступать в Академию ФСБ – в том самом сентябре, когда террористы захватили школу в Беслане.

Очередная Командировка. Поставленная задача. Штурм. Работа бок о бок с ребятами из «Вымпела». Перед глазами тоже самое, что у всех: окровавленные дети, у которых не осталось сил даже на крик от охватившего их ужаса; полные мольбы глаза

взрослых. Прикрывая эвакуацию и одновременно подавляя огневые точки бандитов, Перов успел заметить, как скакнула брошенная боевиком граната. До взрыва оставались секунды. Александр Валентинович схватил в охапку троих детей и бросился на пол, закрывая их своим телом.

Майор Роман Викторович Катасонов. В кабинете он нашел двух перепуганных детишек. Принял решение вывести их на улицу. В конце одного из коридоров их встретил плотный пулеметный огонь. Шансов прорваться не было, как и никакого укрытия рядом.

«Бегите!» – успел крикнуть он, загородив собою как можно больше пространства, чтобы ни одна пуля не сумела пройти мимо него.

Дети прятались и за спиной майора Вячеслава Владимировича Малярова – те самые дети, которых он отбил у террористов, когда эти гады пытались вырваться из школы и использовали школьников как живой щит... Майор Андрей Витальевич Велько... Прапорщик Олег Вячеславович Лоськов... Они все на совесть сделали свою работу. Как и их товарищи, которым, в отличие от тех, о ком рассказал, судьба даровала пройти эту «командировку».

Виталик замолчал.

Мы услышали как заскрипела пружинная сетка кровати, затем шлепанье босых ног по полу и голос Ромы Сеницына:

– Ребята, предлагаю встать и почтить память героев минутой молчания.

Мне и сейчас не надо закрывать глаза, чтобы вновь услышать и увидеть тот момент. С позиции дня сегодняшнего не очень-то реальный.

Слов не было никаких. Только поскрипывание кроватей, когда мы выбирались из них, и невнятное чертыханье Женьки Яковлева, после удара его ноутбука о крепкий дощатый пол – главное, чтоб не рассыпался, иначе Як с ума сойдет.

Еле угадываемые силуэты на фоне ночных окон. Мы стояли, практически, не дыша. Мы стояли напряженно. Уверен, каждый в эти секунды вновь подумал – а смог бы я, как они? Девять современных ребят, застывших глубокой ночью в молчании по совершенно незнакомым им бойцам спецназа, погибшим в безмерно далеком от нас Беслане. Современных российских школьников, застывших в одних трусах (жарко в комнате) – форме совершенно непригодной для ритуально-торжественной минуты. Даже если бы очень захотел, я бы не смог такое придумать. Но я это видел и слышал, я сам в этом участвовал, и точно знаю, что было именно так, а не иначе.

– Прошу садиться, – взрослым голосом объявил Сеницын...

ДАГЕСТАНСКАЯ ИСТОРИЯ

...Сна по-прежнему не было. Как понимаю, ни у кого.

– Есть одна история, которую мне рассказал мой друг, – раздался голос молчуна Исы Гареева, несмотря на юный возраст уже мастера спорта международного класса, невысокого крепыша с пронзительными черными глазами, всегда передвигающегося вразвалочку, как матрос по палубе корабля. Он готов был день и ночь возиться с ребятней из младших отрядов, и те были от Исы в нескончаемом восторге. Свои уроки физкультуры и мини-тренировки Иса всегда начинал одинаково: «Я хочу, чтобы вы стали не только сильными, но и умными. Потому что борьба без мысли – это пустое дело, так говорит мой тренер. Он мудрый человек, и знает, что советует».

– ...А ему ее рассказал его племянник. Он лично не знал парня, о котором говорил, но знал людей, которые были с ним знакомы. Это было давно, больше десяти лет назад, в августе девяносто девятого, когда на Дагестан напали бандиты Хоттаба и Басаева. У нас есть село, называется Ансалта. Его захватили. Многие жители ушли еще до того. А этот парень, Хаджимурад его звали, остался. Те, кто пришли, вроде бы одной с ним веры, но уже тем, что пришли войной, осквернили его дом. Такое у нас не прощается. И он поклялся отомстить. Не только за себя, а за всю свою семью, за Дагестан. Дагестан наша

родина, и Россия – родина. Нельзя, чтобы к тебе в дом вот так безнаказанно пришли и стали убивать.

Отец рассказывал, что все мужчины тогда записались в ополчение. Приехали воевать люди из других городов России. «Это очень важно, когда беда не разъединяет, а сплачивает. Такой народ и такую страну победить нельзя», – говорил он мне.

У Хаджимурада не было оружия. Однажды какой-то хитростью он выманил у боевика автомат, тот ему просто подержать дал. А рожок был полон патронов. Хаджимурад, наверное, понял, что настал его час. Он не мог не знать, что живым ему не уйти. Но он сделал то, что решил сделать: убил четверых, ранил еще двоих, пока остальные не опомнились. Ему семнадцать было. Всего на год с небольшим больше, чем мне сейчас.

– Я читал об этом парне, – сказал Виталик. – Фамилия его Нурахмаев. Хаджимурад Нурахмаев. Посмертно ему присвоили звание Героя России. Школа в Ансалта теперь носит его имя. А награду сына в Москве получали его отец и мать. О тех событиях 1999-го, материалов достаточно много, так что могу дополнить рассказ Исы.

– погоди, не торопись, – прервал его Волков. – Не совсем понимаю, насколько вяжутся эти два понятия: личная месть или просто месть, и антитеррор в масштабах страны.

– Почему не понимаешь? – Спросил Иса. – В твой дом пришел бандит, который готов убить твою мать, отца, сестру, брата, ты, что, будешь спокойно смотреть?

– Не буду, голыми руками задушу. Но он – уголовник, а не террорист. Он пришел грабить, убивать, насиловать, но не запугивать целый народ – мол, смотрите, дрожите, и все, как один, делайте, что прикажу. Чувствуешь разницу?

– Нет разницы, Миша, – неожиданно мягко произнес Иса.

– В девяносто девятом у нас ее, точно, не было. На Кавказе живут гордые люди. Мы не прощаем даже маленького унижения. Но посмотри на то, что происходило тогда у нас, немного внимательнее и шире. Я ни слова не сказал о личной мести. Это ты сейчас почему-то о ней подумал. Бандиты хотели и Хаджимурада, и всех нас поставить на колени, завоевать, растоптать как нацию. Отец, вспоминая те дни, объяснял мне: «через Дагестан они решили показать всей России – бойтесь нас. И развязать большую Кавказскую войну, сравнить наши народы. Не важно, что призывало к действию внутри каждого из нас – что-то очень личное или нет – все вместе мы все равно защищали нашу страну».

Понимаешь, мой отец, как и Хаджимурад, как и десятки тысяч других, воевал за своих – за меня, за маму, за сестру, за всех родственников. И вот так – каждый. А кто мы все вместе, Миша? Мы та самая страна. А против кого он воевал? Против тех, кто затем захватили больницу в Буденовске, стрелял по детям в школе Беслана, убивал в спину российских солдат, спасавших заложников. Так кто они, Миша? Не важно, как их назвать – бандиты,

террористы или как еще. Они очень плохие люди. Их надо остановить, чтобы они боялись, а не мы.

– Вот уж не ожидал, Иса, что сможешь так тему разложить, – в голосе Виталика проскользнула нотка восхищения.

– Я не понимаю, о чем ты сейчас сказал. Говорю о том, что знаю. Но как говорит отец, лучше бы мы никогда этого не знали, – вздохнул Гареев.

– Кем твой батя работает? – Спросил Рыжий.

– Он врач, детский терапевт. Мама провизор в аптеке. Сестра на четвертом курсе медицинского института. А я в спортивный буду поступать. Хочу Олимпиаду выиграть и тренером стать, совсем маленьких детей тренировать.

– Гарей, объяснение, в целом, принимается, – согласился Волков. – Обращаясь уже к Капустину спросил: – Не раздумал о Дагестане еще рассказать?

И тут же ко всем нам:

– Спим или слушаем?

Если кто и хотел спать, то не признался. И Виталик продолжил.

– Легендарная фигура тех августовских боев Герой России, подполковник Загид Загидов, который командовал сводным отрядом дагестанской милиции. Если конкретно расписывать каждый боевой эпизод, который проходил при его участии, получится толстая книга об умелом, рисковом командире и человеке большого личного мужества. Но я сейчас хочу сказать о другом, продолжая командирскую линию, которую начал с рассказа о Дмитрие Александровиче Разумовском. Ответственность за вверенных ему бойцов; умение выполнять тяжелейшие задачи, практически, избегая потерь; не чураться любой военной работы и при этом во всем оставаться главным авторитетом для своих подчиненных, которых, если называть вещи своими именами, ты раз за разом ведешь на возможную смерть – в этом главном Загидов очень похож на других героев-командиров. И не случайно, что на его личном счету двенадцать уничтоженных снайперов врага, пять минометных точек, десятки спасенных жизней. Но такими как Загидов, Разумовский, Ильин, Перов невозможно стать в одночасье. Это долгая дорога. Независимо от того, где несешь службу – в «Вымпеле», «Альфе», «Витязе» или республиканском спецбатальоне Министерства внутренних дел. И где каждая операция может стать для тебя крайней – в языке «спецов» отсутствует слово «последней»; а наипервейшее пожелание всегда – за командировку в оба конца.

Послужной список Загида Асмалавовича впечатляет. Из Афгана десантник Загидов вернулся с медалью «За боевые заслуги». В середине девяностых, во время известных московских событий, уберег от смерти более двадцати гражданских – взрослых и детей, – за что был представлен к ордену «За личное мужество». Участвовал в спецоперации против террористов, захвативших заложников а Минеральных водах. Освобождал от бандитов Кизляр и Первомайское. Именно он нейтрализовал террориста, захватившего в Махачкале автобус с людьми. Загидов, назвавшись представителем правительства

Дагестана, вошел в салон, и, поймав момент, вырвал из рук бандита гранатомет «Муха», обезвредив приемом рукопашного боя.

Помните, говорил о долгой командирской дороге в спецназе. У кого-то она вышла долгой и с мирным исходом. Но я почему-то первым делом вспоминаю о судьбах совсем молодых офицеров, которые, не уронив чести и достоинства, отдали свои жизни в самом начале этого пути. И понимаю, что они тоже могли стать замечательными командирами. Но не судьба...

После этих слов Виталик тихонько окликнул Женьку Яковлева, думая, что тот мог уснуть. – Жень, твой комп работает?

– Должен, – тут же отозвался Як. – Хотя о пол прилично треснулся.

Через несколько секунд голубоватое свечение подтвердило, что яковлевский ноутбук в полном порядке.

– Я тебе сейчас диск передам, посмотри, открывается или нет, – попросил Капустин. И пока Женька проделывал нехитрую операцию, объяснил, – Папа как-то принес статьи о подвиге дагестанских милиционеров – Героев России лейтенанта Халида Мурачуева и младшего сержанта Мутея Исаева. Разрешил материалы на мой архивный диск перелить. Я бы мог своими словами сейчас пересказать, но зачем, когда там всё написано, как если бы автор рядом находился. Хотя и не знаю, кто он – инициалы «Н. М.» мне мало о чем говорят. Впрочем, это и не так важно.

– Готово, открылся как миленький, – оповестил Яковлев. Он вскочил с койки, прошелестел до Виталика и передал тому комп. – Отформатировал, шрифт больше сделал, так что тебе лишь перелистывать. Справишься?

– Попробую, – в тон ему ответил Капустин. – Ежели чего, на помощь призову.

– Мужики, кончай междусобойчик разводить, – вмешался Рыжий в их высокоинтеллектуальную беседу. – А то и спать хочется, и послушать.

– По ходу сокращаться буду, предупредил Виталик, – Чтобы не повторять одни и те же факты.

Когда в августе 1999 года административную границу Республики Дагестан в Цумадинском и Ботлихском районах перешли вооруженные до зубов отряды бандитов из Чечни и наемников-ваххабитов, остальное приграничье заступило на боевые позиции. Пост «Телевышка» являлся одной из важнейших стратегических точек, позволявшей контролировать подходы к Новолакскому и Казбековскому районам и городу Хасавюрту.

И вот наступило 5 сентября 1999 года. Лейтенант Халид Мурачуев был старшим смены. С ним – младший сержант Мутей Исаев и еще четверо бойцов. Всего шестеро. Повседневное течение службы нарушилось тревожной вестью: в Новолаке идет бой. Милиционеры распределили оружие и боеприпасы. Они знали, что непрошенные гости к ним рано или поздно, но обязательно пожалуют – значение охраняемой высоты говорило само за себя. Что тем временем происходило в Новолаке, они слышали по рации. И понимали, что их товарищам-милиционерам и бойцам липецкого ОМОНа приходится очень

нелегко. Двое младших братьев Мутей Исаева, Зайнулах и Зураб, тоже сотрудники милиции, ополченец старший брат Заур в тот момент, как и все защитники Новолака, сражались не на жизнь, а на смерть. И хотя этим шестерым на «Телевышке» было приказано во что бы то ни стало продержаться до прихода подкрепления, Мурачуев предполагал, что им, скорее всего, придется надеяться только на себя. Хотя и в нем, и его товарищах, конечно же, жила надежда: если будет бой, то будет и помощь. Но искаженные помехами голоса в радиии свидетельствовали о другом: боевики пытались взять Новолак в удушающее кольцо, и все силы, что могли им помешать, были задействованы в отражении этой атаки.

Бандиты не заставили себя долго ждать. Шли нагло, не таясь. Защитники замерли. На обращения врага по радиии не отзывались и старались не выказывать никаких признаков жизни. Решив, что телевышка не охраняется, те совсем близко подошли к позициям милиционеров, и тогда Мурачуев громко скомандовал: «Огонь!». На какое-то время враг растерялся, замешкался и этим воспользовался Мутей Исаев, нанеся сокрушительный удар из автоматического гранатомета, в ленте которого 29 смертоносных патронов, и каждый сделанный им выстрел находил цель. После первого боя, на подступах к их позициям остались семь десятков боевиков.

На трофейных кассетах, захваченных у врага, будет видно, как Басаев указывает Хоттабу в направлении телевышки и объясняет, насколько сильна оборона высоты. Станет известно, что именно там бойцы уничтожили двоих из семи братьев одного из главарей нападавших – Ахматова. В отместку тот прикажет не щадить семьи милиционеров.

Воспользовавшись затишьем Халид вместе с Мутеем осмотрели оружие, пересчитали оставшиеся боеприпасы. Имея медицинское образование, лейтенант обработал раны товарищей.

После незапланированных и ощутимых потерь боевики приостановили наступление. Через некоторое время попытались вступить в переговоры с защитниками, взывая к соседской дружбе и обращаясь к ним не иначе, как братьям-мусульманам. Милиционерам предлагали оставить позиции, обещали пропустить через кольцо окружения. Но те, как один, приняли решение – не сдаваться.

Готовясь отразить очередную атаку, Мутей думал о ребятах, здесь и сейчас стоявших с ним насмерть. Работая в приграничном районе, неоднократно участвуя в самых опасных оперативных мероприятиях, он знал противника и был готов к самому худшему. Но перед молодыми товарищами старался не показывать свои опасения, наоборот, как мог, пытался поддержать.

Через час началось. Боевики открыли по высоте огонь из минометов, «Стингеров», крупнокалиберных и зенитных пулеметов. Казалось, на земле не осталось живого места, где можно было бы спрятаться, пережить этот шквал. Но то было обманчивое впечатление. Как только бандиты пошли в атаку, Халид, Мутей и их товарищи, постоянно меняя позиции, перебегая из окопа в окоп,

хоронясь в блиндажах, отвечали огнем на огонь. Лейтенант до последнего не терял надежды, что в тыл врагу вот-вот ударит подкрепление. Запрашивал по радиации поддержку. Когда услышал срывающийся, хриплый голос своего коллеги, что они сами окружены в здании райотдела милиции и ведут ожесточенный, неравный бой, Халид окончательно понял, что придется рассчитывать только на собственные силы.

Восемь раз в течение суток высота подвергалась артиллерийским обстрелам, за которыми следовали атаки штурмовых групп. Все основные силы бандитов постепенно стянулись к «Телевышке». Противник тем самым был отвлечен от центра Новолака, что давало хоть какие-то шансы на успех обороняющимся в РОВД новолацким и липецким милиционерам.

Но силы защитников высоты тоже были на исходе. До неузнаваемости изрешеченный осколками погиб Ахмед Курбанов. Не зная, жив он или нет, и пытаясь спасти, был тяжело ранен боец внутренних войск МВД России Николай. Мутей из пулемета прикрывал командира, пока Халид вытаскивал Колю из-под обстрела и перевязывал. Держать тяжело раненного парня на вышке не имело смысла. Решили, что ему надо хоть ползком, но выбираться. Вызвав огонь на себя, Мутей и Халид дали возможность раненому товарищу выйти из зоны боя. Однако далеко отползти Николаю не удалось. Потеряв сознание от нестерпимой боли, он попал в руки боевиков. В пылу боя еще двое бойцов, прикрывая друг друга и меняя точки, оказались отрезанными от «Телевышки», цепь обороны высоты 713,5 оказалась разорванной. А когда они попытались прорваться обратно к своим, тоже были захвачены в плен. Теперь пост СТП-18 Д «Телевышка» охраняли последние двое – Мутей Исаев и его молодой командир.

Артиллерийские атаки и попытки штурма высоты не прекращались даже ночью.

Поздним вечером мать Мутея была дома, когда раздался телефонный звонок. Подняв трубку, она услышала голос сына:

– Мама, мы с Халидом остались вдвоем. Колю ранили, а затем захватили. Куда делись еще двое товарищей, не знаю. Мама, помоги, сходи в райотдел, попроси, чтобы нам подбросили боеприпасов.

– Село окружено, везде бои, – отвечала несчастная мать. – К вам не пройти. Никто помочь не сможет. Вы уходите оттуда...

Внезапно связь оборвалась. Больше она сына не слышала. Последний выход в эфир Мурачуева и Исаева был зафиксирован 6 сентября на рассвете. В нем не было ни слова о помощи. А через некоторое время стрельба на высоте стихла. Люди видели, что боевики грузовиками вывозили трупы своих. Зная, как зверски террористы поступали с милиционерами, сельчане и родственники надеялись, что Халид и Мутей погибли раньше, чем те добрались до них.

Только через год нашлась их братская могила. Саперы в который раз прочесывали место героической обороны «Телебашни», и миноискатель сработал на металл. У Халида в кармане остались патроны, а на руке Мутея –

часы. Бандиты издевались над ними, когда бойцы еще были живы. Прострелянные руки и ноги, переломанные кости. Мурачуева обезглавили, Исаева живым закопали вместе с телом командиром...

И вновь, в который раз за сегодняшние сутки, в нашей приморской комнате-спальне повисла тяжелая тишина. Слов не было, были лишь эмоции, бушевавшие около сердца.

Через несколько минут этого молчаливого реквиема по замечательным ребятам, о чьем подвиге большинство из нас узнало лишь сегодня, Иса Гареев, завершил повествование Виталика Капустина:

– В Дагестане свято чтут имена Героев. Им не только ставят памятники. Их всегда помнят. Я впервые узнал о Халиде Мурачуеве и Мутее Исаеве, когда в младшей школе учился. Сейчас слушал, и все равно мурашки по коже.

И мы вновь поднялись с кроватей, и стоя отдали дань памяти этим двум солдатам и их товарищам. Затем Иса сказал:

– Мой отец, мудрый человек, которого люблю и уважаю, говорил мне:

– Иса, человек должен знать своих предков и свои корни. Еще он должен уважать других людей, и никогда не забывать, что кто-то когда-то защитил его жизнь своею жизнью. И ради человека, пускай тебе незнакомого, но человека правильного и хорошего, каждый уважающий себя мужчина, если будет необходимость, обязан сделать то же самое. Вот чему я хочу тебя научить, чтобы ты научил своих детей, а они – своих.

ВЫБОР

Несколько дней антитеррористической тематики мы не касались, других дел было много. Илона, Виталий и Капустин-старший проводили беседы в отрядах. После чего, как и мы недавно, за ними ходили пионеры с кучей разных вопросов.

Как-то вечером пригласил Илонку посидеть у моря. Любимое мое зрелище – это когда солнце опускается за явно выпуклую линию горизонта, вода меняет цвет от золотого до темно-зеленого, и наступает момент бытия, когда вдруг перестаешь понимать, где кончается небо и начинается море. Остается лишь простор, огромное пространство, от которого захватывает дух, и внутри селится щенячий восторг.

Она согласилась. Как-то само собой получилось, что мы заговорили о Вере. Не женском имени собственном, но тоже с большой буквы. Меня бабушка крестила три года назад, Илонку, как оказалось, приблизительно тогда же отец с мамой. И сейчас она рассказала православную историю, которая, задела бы за живое даже самого ярого атеиста.

– Я более эмоциональный человек, чем Виталик и тем более папа. Для них главное – факт, логика, выводы; для меня – впечатление. Наверное, поэтому проплакала целый день, когда впервые прочитала очерк Владимира Викторовича Вержбовского и Ксении Вдовикиной о солдате-пограничнике Евгении Родионове, из села Чиберлей Пензенской области. После перечитывала много раз и выучила почти наизусть. Если говорить о Мужестве, как и о Вере, с большой буквы, то это о Родионове. Хотя он не совершил военного героического поступка: не закрыл грудью пулемет, не защитил собой детей. И все равно он – истинный герой. По самым высшим человеческим меркам. Символично, что орден, которым его посмертно наградил Президент, называется «Орден Мужества».

Родионова призвали в армию 33 июня 1995 года, когда ему исполнилось 18 лет и один месяц. Он попал в пограничную учебку. Незадолго до ее окончания к нему приехала мама. В разговоре с родителями юных бойцов командир части всегда был предельно краток. Вот и сейчас он сказал Любове Васильевне:

– Знаю, вы будете просить меня не посылать Женю в Чечню, – на что женщина ответила:

– Нет, не буду. С малых лет Женя был единственным мужчиной в доме, и если он примет решение, я буду уважать его, каким бы оно не было.

В начале зимы рядового Родионова направили в 479-й погранотряд особого назначения, который находился в Ингушетии. Ровно через месяц он и еще трое его товарищей, которые несли дежурство на контрольно-пропускном пункте, попали в плен к боевикам. В середине ночи подъехала машина скорой помощи, в ней прятались полтора десятка бандитов. В считанные минуты ребят скрутили и затолкали в «рафик». Когда на КПП прибыла смена, солдаты нашли на снегу лишь пятна крови.

Забыла рассказать о главном, – Илонка, обхватив колени руками, всматривалась вдаль, туда, где соединялись море и небо, и темно-желтым полукругом горело сваливающееся за горизонт солнце. Я тоже любовался этой незабываемой и каждый раз по-новому прописанной картиной. В один из моментов ощутило больно резанула мысль: вот завтра, или через какое-то там время, не здесь, а дома, в Москве, Питере, Махачкале или любом другом городе, какому-нибудь гаду-террористу взбредёт на ум отнять всё это у нее, у меня, у других наших, да и просто у незнакомых мне людей. И такая невиданная злость взяла, такая ненависть горячими волнами разлилась по всему телу, что я даже испугался. Самого себя испугался. Раньше никогда ничего похожего за собой не замечал, даже когда драться приходилось.

– Вениамин, вернись, – услышал голос Илоны. Увидел, что смотрит уже не вдаль, а на меня, и во взгляде её читалось понимание.

– У тебя было такое выражение лица, какое иногда наблюдала у Виталика, когда он читал материалы и не видел, что я на него смотрю.

– Извини, мысли разные в голову лезут.

- Ты уверен, что всё в порядке?
- Однозначно. Так о чем забыла рассказать?

– О предыстории. Когда Жене было одиннадцать, он после каникул, которые провел у бабушки, вернулся домой с крестиком на шее. Даже мама не поняла его поступка, повторяла, чтобы снял, а то ребята в школе засмеют. Но никогда и нигде Родионов с этим крестиком не расставался.

И вот он в плену. Постоянные побои, месяц за месяцем. Бандиты требовали, чтобы он снял крест. Что для них особенно было важно – своими собственными руками, как бы по личной воле. И чтобы вслед за этим принял ислам. Говорили, что став правоверным мусульманином, будет их братом. Родионов понимал, что последует дальше – необходимость воевать против своих. Он раз за разом терпел всё более изощренные унижения, но стоял на своем, а ему постоянно напоминали, что убьют за непослушание. Но не было у них силы, которая заставила бы 18-летнего бойца-пограничника, героя, будто пришедшего в современный мир из далекой истории нашего государства, когда во времена татаро–монгольского нашествия, то же самое и под страшными пытками захватчики требовали от наших предков – отречься от Веры. Боевики дали ему последний шанс и предупредили, что не расстреляют, а отрежут голову. Но он всё равно ответил «нет».

Родионова казнили 23 мая 1996 года в день его 19-летия. Трех других солдат убили из автоматов.

И тут начинается не менее жуткая часть истории. Всё это ложь, когда террористы, боевики и прочие бандиты во всеуслышание объявляют, что они борцы за идею. Главная их идея – деньги и только деньги. Они не гнушаются ничем. Берут с неутешных матерей плату за тела их сыновей. Любовь Васильевна была вынуждена заложить дом, чтобы через посредников те ей показали, где находится могила Жени и расстрелянных солдат. А еще через неделю матери за отдельную плату – как же это ужасно, даже не знаю, кто еще может такое сотворить, – голос Илонки задрожал, – за отдельную плату вернули голову сына.

Эта мужественная женщина вывезла тела всех четырех ребят из Чечни в Россию.

На могиле солдата-пограничника Евгения Родионова стоит двухметровый крест и постоянно горит лампада. Поклониться его праху приезжают сюда со всей России. Был случай, ветеран Великой Отечественной войны свою боевую медаль «За Отвагу» положил на его могилу.

Когда я собираю и читаю материалы, всегда вижу, что люди знают и чтят своих героев. Нескончаемая эстафета памяти. И точно знаю, что жить без этого, означает жить не по-людски и не по-божески. В Алтайском крае атаман казачьего сибирского войска построил церковь и назвал Святоевгеньевской. У нас в Петергофе, в соборе, есть икона, на которой Женя Родионов изображен в полный рост с автоматом за плечами. Такие же образы в храмах Байконура и Астрахани.

Раньше не верила в исторические символы и совпадения. Но чем больше узнавала о поступках, достойных преклонения, тем больше убеждалась, что в нашей жизни многое взаимосвязано, несмотря на то, что у каждого человека своя судьба и свой путь. Вот смотри: Любовь Васильевна привезла сына домой 20 ноября – в день памяти мучеников Мелитинских. Они были воинами-христианами римской армии, и за отказ отречься от веры им отсекали головы. Но и это еще не всё: один из тех тридцати трех воинов носил имя Евгений...

НЕСДАВШИЕСЯ

После отбоя пересказал ребятам услышанное от Илонки.

– В голове не помещается, что этот парень сделал, – пробормотал наш композитор. – Я, скорее, не верю в Бога, чем верю, но перед Евгением встал бы на колени.

– Ты хоть крещеный? – Спросил Вася Рыжий.

– Вроде бы да, – замялся Стас. – Даже крестик есть, дома где-то лежит. Но я больше в человека верю, чем в Бога. Тот высоко и далеко, а человек – вот он, рядом, как ты, например. Могу словом перекинуться, рукой пощупать – настоящий или нет?

– Я тебе пощупаю, три дня будешь щупалки искать, – окрысился Рыжий.

– Не об этом речь, православные, – вмешался Волчок. – Верить или не верить – глубоко внутреннее дело каждого. Здесь, как понимаю, вопрос о личности. Сильный ты своим внутренним содержанием или слабый. А если сильный, то до какой степени. Радионов в этом плане – абсолют. И то, как он себя повел, без сомнения, подвиг.

– Миш, Ису Гареева тоже в православные записал? – неназойливо поинтересовался Стас. – Извини, Иса, сразу не сообразил, – сказал Мишка.

– Ничего, я не обижаюсь, – что Иса объясняется в полголоса, мы уже привыкли. Зато всегда в устоявшейся тишине. – Мой отец меня учил:

– Иса, у нас есть Аллах, у христиан – это Бог, у индусов – Будда. Всевышний – един, просто для разных народов и культур у него свой образ. Но означает ли это, что он для всех разный? Что одним говорит одно, другим – другое, третьим – третье? Я, конечно, многого не знаю, но могу тебе сказать, что это не так. Потому что понятия доброты и справедливости, человеколюбия и терпения, стойкости духа и неприятия насилия – одинаковы для всех религий.

– Иса, – подал голос со своего «отшиба» Женька Яковлев. – Как здорово у тебя получается: любой вопрос – мне отец говорил, мне отец объяснил. Ему больше заняться нечем? Или он только и делает, что тебя воспитывает?

– Почему нечем? Конечно, есть. Он рано уходит на работу, поздно вечером приходит. Но время для меня у него есть всегда. Сестру мама воспитывает, потому что они женщины, меня – отец, у нас так принято.

– Зато у Яковлева интернет – и мама, и папа, а комп – вместо воспитателя, – съехидничал Стас.

Мы услышали шорох быстрых шагов, и емкий удар по кумполу.

– Ты, дубина! – Заорал наш композитор. – Совсем матрица съехала?!

– Когда Волков врубил свет, увидели, как Стас и Женька мутузят друг друга, свалившись на пол между кроватями. Еле-еле их разняли. Яковлев тяжело дыша зло уставился на Капустина, который в тот момент говорил:

– Начали с подвига и веры, закончили дракой. Видишь, Евгений, как, оказывается, просто нас сравить. Понимаешь, к чему клоню?

– А ты папочке расскажи, – совсем уж по-малолетнему и невпопад взбеленился Женька. – Он ведь у нас хороший, поймет, по головке погладит, книжку на ночь почитает.

– Я случайно Женькину анкету увидел, когда начальника в «санзоне» дожидался, услышал за спиной шепот Сеницына. – Отца у него нет, мать третий год в больнице. Живет с бабушкой и дедом.

– Если я скажу, что моего отца, когда ему было шесть лет, его биологические и здравствующие родители определили в сиротский приют, чтобы не мешался, и затем восемь лет он провел в детском доме, пока не приняли в суворовское училище, тебе легче станет? – Сузив глаза, Виталик вперил в Яковлева не по-детски тяжелый взгляд.

Мишка Волков обхватил приятеля за плечи, несколько раз встряхнул, как бы приводя в чувство:

– Жень, очнись. Это мы. Всё нормально. Слышишь меня?

Из Женьки будто выпустили воздух. Он даже стал меньше ростом. Ничего не ответив, сгорбился и пошел к своей койке.

– Я всегда знал, что у малолетних гениев возникают взрослые проблемы, – в дверном проеме возник наш справедливый «Макаренко». – Основываясь на том, что слышал, пока сюда добежал: Яковлеву выговор за не сдержанность, тебе, Стас, за провокацию.

– Пошутить уже нельзя? – Повысил голос композитор, держась за подозрительно набрякший нос.

– Можно. Но родители при этом – святое. Мог бы и сам догадаться, а не усугублять ситуацию.

После чего Герман Вольфович Рябов пожелал нам по возможности спокойной ночи и вырубил свет.

Понятное дело, что после такой встряски сон как корова языком слизнула. Первым не выдержал Рома Сеницын:

– Не понимаю: Родионов же мог притвориться, что согласен на условия бандитов, потом выбрать момент и прорваться к нашим.

Я почему-то был уверен, что ответит ему Виталик Капустин. Так и вышло.

– Однажды прочитал: «Предательство не бывает большим или малым. Оно, как химическая реакция, не имеющая возврата к исходному состоянию»... Когда впервые ознакомился с материалом о Родионове, мне вначале тоже

показалось, что-то он не продумал, чего-то не сделал, что могло бы его спасти. А потом просто поверил ему. И восхитился его стойкостью.

Есть еще одна чудовищная составляющая. Если бы он согласился на то, о чем ты говоришь, Роман, большая вероятность, что боевики для «закрепления результата» поручили бы ему расстрелять одного, а то и всех трех солдат, захваченных одновременно с ним. Но я точно знаю, что он никогда не сделал бы этого, даже если бы с него живьем снимали кожу.

По моему разумению, Евгений Родионов из породы людей, которые «ни шагу назад»; на генетическом уровне не умеющих не то, чтобы предать, а даже подумать об этом, и всегда знающих, на что и зачем идут. Кто-то делает это во имя Веры, кто-то во имя Родины, кто-то, думая о долге, о друзьях, о доме. Иса об этом уже говорил. Но если разобраться, то мы видим звенья одной цепи. Папа называет её «цепью бытия по совести»: звено к звену, скрепленное друг с другом, и все вместе – как одно целое.

Сослуживец отца однажды сказал, что против террористов они воевали сердцем. И что подвиг в их понимании – всего лишь эпизод, иногда, если судьба выбросит черную метку, «закрывающий» линию жизни, в остальных случаях продолжающий. Но при этом не становящийся для них чем-то особенным, своего рода восклицательным знаком.

Так считают люди, смотревшие в лицо смерти. Не книжной или киношной, а настоящей. Что идет самая настоящая война, вы, надеюсь, догадываетесь, да? Причем, во всем мире. И неважно как ее назвать – объявленной или нет, с выстрелами или без выстрелов, когда переговорный процесс с террористами, затеянный ради одного, чтобы спасти жизни ни в чем не повинных взрослых и детей, как порох готов взорваться в любую секунду; или масштабный бой против незаконных бандформирований с применением танков и тяжелого вооружения, когда защищается целостность России как единого государства; или освобождение заложников с кучей непредсказуемых ситуаций, когда офицеры и солдаты подставляют себя под пули и осколки гранат, чтобы по-человечески решить поставленную задачу...

– Расскажи, – попросил Сеницын. – Хотя бы о нескольких. – Сказанное прозвучало несколько не по-русски, но не понять просьбу Романа было невозможно. Думаю, что каждый из нас мысленно поддержал её.

– Попробую... – Виталик ненадолго задумался. – Полковник из «Альфы», заместитель начальника Управления «А», Герой России Анатолий Николаевич Савельев. До того, как отдал себя в заложники бандиту, захватившему в Москве машину с четой шведов у посольства этого государства и потребовавшего три миллиона долларов и вылет в страну, которую он укажет, прошел Афган, участвовал в освобождении заложников в Буденновске и Первомайском, лично обезвредил преступника, который в международном аэропорту Шереметьево проник на борт Ил-62 и грозился его взорвать. Тем недобрым декабрьским вечером, представившись сотрудником Министерства иностранных дел, Савельев вел переговоры с экстремистом, который был вооружен гранатой и

пистолетом. Женщину отпустил передать требования, продолжая удерживать ее мужа, торгового советника посольства Швеции...

Анатолий Николаевич уже и так сделал максимум возможного, уговорив бандита поменять шведа на него. Привязанный к водительскому креслу, с веревочной петлей на шее он продолжил свою работу. Ту самую переговорную работу, по которой «спецы» идут как по лезвию ножа, потому что никто не знает, что в следующее мгновение взбредет в голову противостоящим им особям с явно неуравновешенной психикой.

Приоритетная задача Савельевым чуть раньше была решена полностью: заложники оказались на свободе. Теперь предстояло найти решение следующей: обезвредить преступника. В какой-то момент поняв, что дальнейшие разговоры бессмысленны, полковник попробовал сделать это самостоятельно, в рукопашной, но вдруг почувствовал, что слабеет. Стрессы, годами не проходящее напряжение именно сейчас смертельно ранили его сердце. Увы, так бывает. Отвага и личное мужество не в состоянии остановить процессы, которыми, как сказал один литературный герой, независимо от нашего желания или нежелания болеет далеко не вечное тело. Врач скорой помощи, допущенный террористом, констатировал тяжелый сердечный приступ. На тот час заложник и бандит были предельно зависимы друг от друга. Последний понимал, что если сердце Савельева остановится, то потеряет единственную свою «страховку». И он потребовал заменить «представителя МИДа» на сотрудника ФСБ и корреспондента...

Террориста в ходе спецоперации убили. Полковник Анатолий Николаевич Савельев в состоянии «клинической смерти» был доставлен в больницу, откуда уже не вышел...

* * *

Он мечтал попасть в Гвардию, и его мечта сбылась. Теперь имел право с полным на то основанием и, разумеется, гордостью сказать: разрешите представиться, гвардии старший лейтенант Игорь Ахпашев, командир танковой роты.

Мальчик-хакас, будущий Герой России, из села под названием Аскиз. Он окончил школу № 1 в Абакане. Поступил в Политех. Но через год круто изменил судьбу, хотя, может быть, судьба сама распорядилась, что выбрал воинскую профессию, поступив в Казанское высшее танковое командное училище, которое окончил с отличием.

Прямой как стрела путь к исполнению мечты. Безо всяких надуманных заморочек. Если офицер, значит защитник Родины, гарант конституционной целостности государства. И три вещи, которые постоянно с тобой как рельсы под бронепоездом – присяга, долг и честь.

... В том бою против дудаевцев, бою кровавом и жестоким, танк Ахпашева первым прорвался к одной из ключевых позиций боевиков. Смерч

заградительного огня могла выдержать лишь бронированная «коробка», и только она была в состоянии расчистить коридоры для продвижения мотострелков и десантников. Танк успел уничтожить с десятков огневых точек противника, когда попал под перекрестье всего оружия, что находилось в руках боевиков. Выстрел из гранатомета обездвижил машину. Занялись огнем наружные баки с солярой, поползли к небу черные, жирные клубы дыма. Отрезанный от своих, танк огрызался пулеметными и пушечными выстрелами на попытки врага захватить экипаж. Через канонаду до ребят доносились «призывы» с той стороны – сдавайтесь, пока не поздно, живыми вам отсюда все равно не уйти. А они меньше всего думали, какими – на щите или со щитом выйдут из боя. Все как один. И Ахпашев вновь шептал запекшимися губами: «Заряжай!»

Они продолжали держаться, даже когда внутри стало невозможно дышать, и раскаленный металл сжигал руки. Плавился огнеупорный пластик, трескалась кожа на лицах и руках. Но экипаж продолжал выполнение боевой задачи. А потом произошло то, что рано или поздно должно было произойти: сдетанировал остаток боекомплекта...

...Хорошо рассказывайте, одобряю, – громом среди ясного неба прозвучал из-за открытого настежь окна голос начальника лагеря Тимофея Порфирьевича Никитина, кандидата педагогических наук, в целом неплохого дядьки, хотя и слегка двинутого на своей ночной рыбалке. Блин, за разговорами напрочь забыли, что он возвращается к себе всегда одной и той же дорогой, мимо нашего корпуса. Девчонкам повезло больше, окна их комнаты на другую сторону выходят. Пару раз в наши ночные посиделки ТиПоНи уже вмешивался и каждый раз обещал, что при следующем нарушении накажет. Похоже, что этот «следующий» наступил.

– Волков, ты как самый ответственный товарищ среди остальных, не подскажешь, который час? – Голос начальника можно было сыпать в чай вместо сахара.

– Волчок сделал вид, что роется в тумбе и, как бы растерявшись, удивился:

– Не могу найти. Никто не видел, мужики?

– Я тебе помогу, – ласково сказал начальник. – Три двадцать три. Через полчаса рассвет. Утром опять до столовой не доберетесь, я уж молчу по поводу общелагерной зарядки, зато до обеда будете постоянно заскакивать, выклянчивая что-нибудь перекусить. Оголодали бедняжки... Придется Герману Вольфовичу выговор объявить, а это минус треть премиальных по итогам смены. Чтобы вам было понятно, когда за словом стоит дело. Зато будет знать, кому сказать «спасибо».

– А Гера тут при чем? – На автомате спросил Рыжий.

– Как при чем? Не обеспечил. Если вас накажу, завтра вся страна мне напомнит, что с будущим России нужно обращаться с любовью и терпением. А кто за Германа Вольфовича заступится? Никто.

– Но это же нечестно! – Выкрикнул Рома Сеницын.

– Конечно, нечестно, Роман Борисович. Только разрешите вас спросить: а вот то, что вы себе позволяете, честно? Или как?

– Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя, – пробурчал Женька, который, похоже, пришел в себя.

– Золотые слова, Яковлев. Если бы ты по ним жил, я бы спал спокойно. А мне кошмары снятся. Вчера, например, приснилось, что Вадик Серебряков из третьего отряда, позаимствовал у тебя одну из игр, и пол отряда выставил на деньги, да что там выставил – раздел. И при этом повторял: еще радуйтесь, что я против вас, если бы Як сел, без «памперсов» остались бы. И что удивительно сон вещим оказался...

После этих слов Рыжий не выдержал и заржал во все горло.

– А вот мне не до смеха, – сурово сказал директор. – Так что предупреждаю в последний раз: еще одно нарушение и влеплю Рябову «строгача». Все поняли? Можете не отвечать. Главное, делом докажите.

Другого выхода, как спать, у нас теперь не было. Через минуту-другую из яковлевского угла раздалось:

– Стас?

– Чего тебе? – Откликнулся композитор.

– Помутнение какое-то нашло, сам не знаю...

– Да иди ты, – передал ему привет Стасик, но было ясно, что Женькины извинения приняты.

* * *

Вот и всё пока. Но, я, Вениамин Александрович Соколов, торжественно обещаю, что дневниковые записи продолжу, и о новых героях еще обязательно расскажу. Так что, надолго не прощаюсь, до скорого!

Серия: Антитеррор. Герои мирного времени

**ИСТОРИЯ ПОДВИГА.
ОТКРЫТЫЙ ДНЕВНИК**

**Документально-художественный сборник
для школьников среднего и старшего возраста**

Автор-составитель А.Г. Леднев